

Крас. Знамя

Владивосток, 1986, 29 июня

Юрий СОЛОМИН:

Наши интервью

«Театр должен быть добрым»

На столе в гримерке среди баночек с кремом и париков переливается огнями царская шапка. Юрий Мефодьевич Соломин отодвигает ее в сторону. Время вопрошать: «Я царь или не царь!» еще не пришло. До спектакля «Царь Федор Иоаннович», где Соломин исполняет главную роль, — почти час. В этот час и состоялась наша беседа.

— Юрий Мефодьевич, признайтесь, «тяжела ли шапка Мономаха»? Ведь до вас ее надевало не одно поколение актеров Малого театра, чье исполнение этой роли признано классическим...

— Вы знаете, я стараюсь об этом просто не думать. Я не пытаюсь сравнивать. Сравнить игру актеров — вообще дело неблагодарное. Практически из классического репертуара сегодня не осталось роли, которую бы не сыграл кто-то из великих. Но ведь это не значит, что после одного блестящего исполнения роль надо «закрывать». Приходит новое поколение артистов — и примеряет «шапку» на себя. Это неизбежно — это театальный процесс.

Помню, как трудно было мне, молодому актеру, играть в свое время Хлестакова. Спектакль ставил Ильинский, который в свое время играл Хлестакова. Моими партнерами были Бабочкин и Стекловдов, которые когда-то тоже играли Хлестакова. Вообще в подготовке этого спектакля участвовало, по-моему, пять бывших блестящих Хлестаковых Каких?

А играть надо. Вот и пытаешься, не забывая о традициях, искать что-то свое, находить в роли свои оттенки и повороты. Так было и с царем Федором. Для меня это — не роль уже сыгранная кем-то. Для меня это живой человек, который несет одно важное качество — доброту. Таким я и хочу это показать — не глупым, а добрым, восстающим против жестокости.

— Пожалуй, это качество присуще и другим вашим героям, например Кольцову в «Адъютанте его превосходительства» Арсеньеву да и многим другим. Вы придаете ему особое значение?

— Просто я считаю, что доброта необходима людям. Мы становимся бо-

лее занятыми, деловыми, а теплоты, бывает, нам и недостает.

Знаете, есть люди, которые каждый день ходят в театр. Я говорил с ними — чаще это люди одинокие, неустроенные. В театре их привлекает не мастерство актеров, не изыски режиссеров. Они восполняют нехватку доброты. Театр стал для них местом, где на первый план выходят нравственные ценности, где можно как бы один на один пообщаться с актером.

О чем это говорит? О дефиците нашего внимания друг к другу? Да. Но и о великой миссии театра. Потому что по самой своей сути это искусство — доброе, а доброта — профессиональное актерское качество.

Это внушали мне мои учителя, это стараюсь я передать своим ученикам. И не люблю, когда в разговорах мелькает модное словечко «интеллектуальный» театр.

Любой театр — интеллектуален, разумен. Но в первую очередь театр должен быть понятен всем и — добр. Правда, быть добрым и быть добреньким — разные вещи. Второе куда удобнее. Но ведь искусство — сила атакующая. И мы должны атаковать все то, что нам мешает. Тогда мы будем современны.

— А в чем вы вообще видите современность?

— Я думаю, современность в том, чтобы играть не текст пьесы, а ее смысл. Вот и все. Если на сцене играет смысл — актер может держать такую удобную паузу — и тишина будет грубова. Может говорить тихо — и зал будет еще тише, потому что зрители будут сочувствовать и сопереживать. Когда зрители сочувствуют и сопереживают — независимо оттого, о каком времени на сцене идет речь — это и есть современность. Кстати, имен-

но от такого вот эмоционального воздействия и зависел мой выбор профессии. Мальчишкой по телевизору я увидел спектакль Малого театра. И он настолько меня потряс, что я поехал поступать в театральное училище им. Щепкина.

— Один из ваших героев — Арсеньев в фильме Курасава «Дерсу Узала» исходил таежные тропы Приморья. Чем для вас стал этот герой?

— Когда я еще только узнал о том, что буду играть Арсеньева, я принялся изучать всю связанную с ним литературу. Литературы оказалось много. Особенно заинтересовали меня письма, дневники, записи самого Арсеньева. Я, как исследователь, пытался найти ответы на вопрос: почему он поступил так-то? Что думал о том-то? Что он был за человек?

И представьте себе, я не смог этого понять по самым личным его запискам. В них он ничего не писал о себе! Только: «Наша экспедиция поехала», «Мы отправились». Даже для того, чтобы узнать, курил ли Арсеньев, я писал письмо его сыну.

Уже потом, когда я изучил материалы на месте, сотрудники зашего краевого музея имени Арсеньева сказали мне, что Арсеньев не позволял называть своим именем ни одно сделанное им научное открытие.

И я тогда понял: это был очень добрый и скромный человек, для которого существовало только его дело. Играть такую роль — и сложно, и интересно. Тем более что режиссер ставил перед нами задачу: быть максимально достоверным.

Я рад, что мне выпала честь показать на экране истинно дальневосточный характер. Надеюсь, что и моя встреча с дальневосточниками — не последняя. Ведь впереди — много работы.

Беседа велла Н. АЛЕКСАНДРОВА.